

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1991

4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР.
1991

В. А. GERMANOV

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА
НАЧАЛА 20-х ГОДОВ**

Поводом к написанию данной статьи послужил недавно обнаруженный в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 2) и впервые вводимый автором в научный оборот меморандум заведующего Отделом внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР Г. И. Бройдо, направленный В. И. Ленину. Многочисленные ленинские маргиналии, заметки на полях, свидетельствуют о большом интересе руководителя Советского государства к поднимавшимся в нем проблемам. Как само свидетельствует «Биографическая хроника» В. И. Ленина, 13 июня 1920 г. он ознакомился с этим меморандумом, представляющим собой отчет указанного Отдела о деятельности за период с 15 ноября 1919 г. по 15 февраля 1920 г.¹

Составитель меморандума Григорий Исаакович Бройдо родился 7 ноября 1888 г.² в семье бухгалтера в г. Вильно (Вильнюс). Учился в Виленской гимназии, которую окончил в 1902 г. В старших классах принимал участие в подпольной работе РСДРП («искровцев»). Высшее юридическое образование получил в Петербургском университете. С 1909 г. Г. И. Бройдо — помощник присяжного поверенного в Ташкенте. За революционную пропаганду среди ташкентских железнодорожников он подвергся в 1912 г. административной высылке в Пишпек (ныне Бишкек). За участие в руководстве восстанием 1916 г. в Киргизии его отправили нижним чином в штрафную роту 1-го Сибирского запасного стрелкового полка, дислоцированного тогда в Казань.

После Февральской революции Г. И. Бройдо возглавил Ташкентский Совет солдатских депутатов, а вскоре — Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов и одновременно стал членом Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Во второй половине 1917 г. он на короткое время отходит от практической работы и занимается в Москве теоретическими изысканиями в области национального вопроса.

В 1918 г. Г. И. Бройдо — на работе в Полномочном представительстве ЦИК Туркестанской АССР в Москве, политкомиссар I, потом IV армии на Восточном фронте. Затем — до августа 1920 г. — в Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, в 20-е годы — в Наркомнаце, создатель и первый ректор Коммунистического университета трудящихся Востока, заведующий Госкомиздатом, ректор Саратовского Коммунистического университета, организатор и первый заведующий Партиздатом. В 1933—1934 гг. избирается первым секретарем ЦК Таджикистана и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Впоследствии — в

¹ Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978. С. 14.

² Называется и другая дата рождения Г. И. Бройдо: 1885 г. См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. Указатель имен. С. 485; Деятельность Центрального Комитета партии в документах (События и факты) 1 июля — 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 139—179.

должности зам. наркома просвещения РСФСР, снова директор Партиздата, затем директор Медгиза. В июле 1941 г. Г. И. Бройдо был арестован без предъявления обвинения, по личному указанию Л. П. Берии. Освобожден в конце 1951 г. Реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР 28 апреля 1956 г.

Скончался Г. И. Бройдо 23 мая 1956 г. в Москве.

Особый интерес для нас представляют взгляды Г. И. Бройдо на национальный и колониальный вопрос, его оценки политики, проводимой в первые послеоктябрьские годы в Туркестанской, Хорезмской и Бухарской республиках. В 1920 г. он писал в своем меморандуме, что необходима «выработка того типа Советской власти, который соответствовал бы специфическим условиям колоний и полуколоний — вот основная задача нашей политики в Туркестане». Эти слова были подчеркнуты при прочтении В. И. Лениным с пометкой на полях: «Правильно!»

В этой связи отметим, что до самого последнего времени в нашей историко-партийной литературе, посвященной изучению Хорезмской и Бухарской революции, не очень акцентировалось внимание на том, что правительство Туркестанской республики стремилось искусственно ускорить, катализировать революционные процессы в ханстве и эмирате. Преследуя в идее благие цели, туркестанские коммунисты действовали порой, не изучив подлинной политической обстановки. Так, попытка младобухарцев с помощью войск Советского Туркестана свергнуть эмирский деспотический режим (так называемый «Колесовский поход»), предпринятая весной 1918 г., не увенчалась успехом. Причина поражения крылась в том, что народные массы еще не осознали необходимости свержения власти эмира и не были к этому подготовлены.

Заняв вскоре после этих событий пост заведующего Отделом внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Г. И. Бройдо внимательнейшим образом изучил этот урок, предподнесенный самой жизнью, всегда напоминал о нем и предостерегал горячие головы в Реввоенсовете Туркеспублики. «...Казалось, маленький толчок извне и рухнет бухарское эмиратство,— писал он.— Этим видимым ожиданием, очевидно, и руководствовался Колесов... Как и следовало ожидать, результаты были другие. Поход вызвал невероятный подъем национализма, толпы безоружных людей шли против пушек и пулеметов. Поход положил начало спешной и энергичной организации бухарской армии и мобилизации всех слов общества вокруг трона. Власть эмирского правительства стала укрепляться. Наши разложенные части по окончании войны, а впоследствии и партизанские левозеро-ские отряды, были поставщиками винтовок, снарядов, пулеметов бухарскому эмиру, открыто скупаемых агентами бухарского правительства во всем Туркестане...» Примечательно, что и на этот момент докладной записки обратил особое внимание В. И. Ленин. Отчеркнув его, он пометил на полях: «О походе», «Когда? 2 слова о нем», видимо, решив поглубже ознакомиться с вопросом.

Занимая высший дипломатический пост в Туркеспублике, Г. И. Бройдо немало потрудился для того, чтобы устранить печальные последствия так называемого «колесовского эксперимента». Между тем все более утверждалась новая политическая формула: «Бухара и Хива — внутренний фронт». В конце 1919 — начале 1920 г. Г. И. Бройдо продолжает предостерегать против поспешной и непродуманной войны, которая «окончательно погубит революционное движение в Бухаре. Она вызовет новый взрыв шовинизма и сплочение всей бедноты вокруг духовенства и чиновников». Это, предупреждал он, опасно и в военном отношении.

В то время среди туркестанских военно-политических работников бытовало убеждение, что нужно всего 2—3 полка, чтобы разгромить армию эмира. «Это не так,— утверждал Г. И. Бройдо.— Я считаю, что

в военном отношении разбить армию было бы нетрудно, но это создаст положение затяжной войны, в которой Красная Армия окажется не освободителем, а угнетателем, а бухарская партизанщина будет выступать как защитница независимости Бухары». Реакция, по его мнению, использовала бы это положение, в Бухаре образовался бы затяжной фронт, требующий значительной и постоянной оккупационной армии. Слабые же революционные силы Бухары могли при этих условиях существовать лишь при наличии оккупационной армии и ее непосредственной поддержке, что, безусловно, скомпрометировало бы в глазах населения бухарских коммунистов, создавая представление о них как виновниках утраты независимости. В международном отношении это оттолкнуло бы от нашей страны Персию и Афганистан, отразилось бы на усилении националистической реакции в самом Туркестане, особенно в Фергане.

С этих же позиций Г. И. Бройдо подходил и к оценке полученного в Ташкенте в феврале 1920 г. известия о том, что туркестанские войска заняли Хиву. Примечательно, что, занимая высший дипломатический пост в Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Г. И. Бройдо не знал об особых полномочиях, предоставленных ему же Полномочному представителю Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана и Реввоенсовета ТАССР в Хиве и Амударьинском отделе Г. Б. Скалову — права решения вопроса о времени оказания вооруженной поддержки восставшим племенам Хивы против ханского правительства и о сохранении им общеполитического руководства дальнейшими действиями войск.

В письме Г. Б. Скалову, незамедлительно отправленном в Хиву, Г. И. Бройдо писал: «Эксперименты Колосова в Бухаре дают нам достаточные основания для предположения о том, что вторжение в Хиву работу нашу в этом направлении совершенно аннулирует. И эмиры, и народы вправе задать нам ехидный вопрос: «В чем выражается пункт о самоопределении наций РКП?», а английская дипломатия закрепит с помощью этих наших шагов свои позиции, может быть, последнее время немного колебавшиеся в Бухаре и Афганистане... Таким действием мы, безусловно, скомпрометируем младохивинцев, которые могут быть использованы для организации новых политических условий жизни в Хиве. Впредь до получения ясной для нас информации мы поставлены перед фактом, что мы вынуждены заниматься политическими подлогами. Во всех ваших известиях о славных советских войсках, занявших тот или иной город, мы все эти победы записываем на счет младохивинцев, вытравляя из всех сообщений участие русских войск. Дальше мы поднимаем на ходули живой труп, местный младохивинский комитет, который выступает с воззванием к правительству советской республики и к русским рабочим и крестьянам о помощи в борьбе с русским самодержавием»³.

В своем особом мнении на заседании Турккомиссии 10 февраля 1920 г. Г. И. Бройдо говорил: «Я не знаю при нашей дезорганизации, когда каждый член комиссии действует самостоятельно, Скалову, очевидно, кем-то даны инструкции, давшие ему возможность поступать так. (Мандат был выдан Г. Б. Скалову Реввоенсоветом Туркфронта, подтвержден подписями Ш. Элиавы и В. Куйбышева⁴). Я дал ему указания прямо противоположного характера, предупредив его о всех тех осложнениях, которые могут последовать от вмешательства наших военных отрядов в дела Хивы. Мы поставлены в нелепое положение, и выйти из него очень трудно, т. к. восстановление «статус кво» еще более

³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 31 об.

⁴ Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики. Л., 1984. С. 101.

осложнит дело... Я полагаю поэтому, что необходимо: 1) поднять на ноги политически рахитичного младенца — младохивинскую партию, 2) через мусульман Туркестана дать ей возможность немедленно организовать при нашей помощи хивинскую армию, дающую возможность как можно скорее убрать наши части, 3) поспешить с организацией Туркмении, что должно уврачевать раны, нанесенные хивинским туркменам, 4) пребывание наших частей в Хиве превратить в соглашение с хивинским правительством и необходимое пребывание для ликвидации русско-белогвардейских отрядов в Ходжейлях, Чимбае и (неразборчиво.— В. Г.), 5) отстраниться русским работникам и дать место туркменским мусульманам и при их посредстве развить революционное движение, доводя его быстрыми шагами к свержению хана и созыву совета трудовых масс, 6) купить молчание и устранение от дел духовенства и чиновничества, 7) внешне Турккомиссии нужно объявить о том, что отряды заняли Хиву вопреки распоряжениям Турккомиссии и Реввоенсовета, что назначен чрезвычайный уполномоченный для устранения нарушений, допущенных нашими частями»⁵.

О том, что в Хиве тогда еще не было реальной революционной партии, способной самостоятельно возглавить переворот, видно и из письма Г. Б. Скалова от 17 января 1920 г. из Петроалександровска (ныне Туркуль) в адрес председателя Турккомиссии Ш. З. Элиавы: «Силы младохивинцев вздуты больше мыльного пузыря, влияние же в Хиве почти равно нулю, работы они не ведут никакой. Персонально же работники здесь настолько слабы, что предлагают нам, русским (не мусульманам — что население помнит всегда), по вступлению в Хиву уничтожить мулл и ишанов. За ними приходится смотреть все время, как бы они не наделали каких-либо глупостей»⁶.

То же самое вынужден был признать Г. Б. Скалов в конце другого своего письма (от 16 марта 1920 г.), направленного в Отдел внешних сношений Турккомиссии, и тем самым перечеркнуть почти безукоризненно выстроенную перед этим аргументацию в защиту своей концепции развития Хивинской революции. Он честно информирует: «Никакого общественного движения незаметно. Сменились одни верхи, но в социальном отношении в существенном пока остаются те же; может быть, вновь приехавшим младохивинцам удастся что-либо сделать, т. к. до сих пор, главным образом, отсутствие каких бы то ни было работников не позволяло вести агитацию, но пока что страна еще спит. (Заведующим агитотделом при Временном правительстве назначен приехавший ко мне дипломатический курьер Отдела внешних сношений младобухарец т. Камилев)»⁷.

9 марта 1920 г. «Известия ТуркЦИКА» опубликовали информацию о том, что Комиссия ВЦИК постановила назначить Г. И. Бройдо чрезвычайным уполномоченным в Хиве и Амударьинском отделе Туркестанской АССР для высшего руководства органами Советской власти и полномочным представителем РСФСР, 29 марта 1920 г. миссия Г. И. Бройдо в составе около 150 человек прибыла в Петроалександровск.

В состав миссии входили Г. И. Бройдо (председатель), Измайлов, Маевский, Хромых, Фрюлинг и др. В целях содействия скорейшему восстановлению народного хозяйства, поднятию культурного уровня населения Хивы при Чрезвычайной миссии были созданы политический, экономический, финансовый, технический, военный отделы и отдел культуры и просвещения⁸.

⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 32 об.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 1617, оп. 2, д. 919, л. 65, 66.

⁷ Там же, л. 197—203.

⁸ Каландаров Н. Образование и деятельность Хорезмской Коммунистической партии (1920—1924). Ташкент, 1975. С. 59.

Полемизируя по проблемам, связанным с политикой партии в Хиве и Бухаре, Г. И. Бройдо считал, что это необходимо для выводов по отношению к другим сопредельным странам. «Здесь, может быть, нет индивидуальной вины Скалова,— говорил он.— Здесь скаловщина, колесовщина — результат полного неверия в творческие силы трудящихся других стран»⁹. С этих выводов, собственно, у него и начались разногласия со многими товарищами по Туркестану, с руководителями Турккомиссии. В Турккомиссии вскоре возобладала иная точка зрения, и вдогонку миссии было отправлено письмо с отзывом Г. И. Бройдо в Ташкент. Права чрезвычайного уполномоченного по делам Хивы предлагалось вместе со всеми делами, полномочиями, кредитами и наличностью передать Г. Б. Скалову.

Тем не менее Г. И. Бройдо успел кое-что сделать. Силами и средствами, привезенными в Хиву, за время его присутствия была оказана помощь Временному правительству: открыты восемь школ первой ступени, учительские курсы, Политическая школа, Дворец просвещения, образцовый детский сад, кинематограф, типография, исторический музей, основаны газета, больница, родильный приют, убежище для стариков и трудовая колония для «бачей». Вновь основанный Народный банк получил ссуду от РСФСР—40 млн. руб. Техники из состава миссии отремонтировали хивинский печатный станок и стали выпускать деньги. Было начато строительство четырех мостов и канала, проведена телеграфная линия Чарджуй—Хива. Вместе с миссией прибыли 18 инструкторов-мусульман для организации Хивинской Красной Армии, был организован Коммунистический союз молодежи Хорезма.

Разъяснения, данные Г. И. Бройдо хивинским коммунистам, его агитационные поездки (из 21 округа он побывал в 16) перед выборами на курултай способствовали стабилизации обстановки и укреплению новых органов управления. При его деятельном участии состоялся Всетуркменский съезд, принявший резолюции об организации единой, совместно с узбеками Красной и Трудовой армии. Последняя сразу же после образования приступила к очистке магистральных каналов. Были созданы восемь комиссариатов (назираты). В Совет назиров вошли пять коммунистов, младохивинец и два беспартийных. Власть на местах вместо старых губернаторов-беков стали осуществлять «малые советы» (ревкомы). К числу прогрессивных мер следует отнести принятие нового избирательного закона, декретов о ростовщических сделках, о судебных пошлинах, о взяточничестве, о вакуфных землях, о Верховном революционном суде, о национализации всех ханских имуществ. Началась организация союзов малоземельных крестьян, которым предполагалось вручить управление ирригационными магистралями с последующей реорганизацией округов в соответствии с площадью, орошаемой каналами.

На заседании Временного революционного правительства, состоявшемся в начале апреля 1920 г., Г. И. Бройдо отмечал, что на РСФСР лежит обязанность оказать помощь революционному Хорезму всеми имеющимися средствами. Он говорил далее: «Я везу вам не карательную экспедицию, а учителей, инженеров, врачей, пособия, помощь и т. д.» 3 апреля на торжественном открытии в бывшем дворце Асфендиярхана Дворца просвещения он сделал заявление, что Советское правительство ассигнует 5 млрд. руб. на народное просвещение в Хиве¹⁰.

По прибытии в Ташкент, а затем в Москву Г. И. Бройдо постарался привлечь внимание ЦК РКП(б) к изучению уникального опыта революции в полузависимом феодальном государстве. Однако не ко всем

⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 15.

¹⁰ Известия ТуркЦИКа. 1920. 22 апр.

вопросам, поставленным в его докладных записках, меморандумах и выступлениях, захотели тогда прислушаться. До конца своего существования Хорезмская республика не всегда и не во всем смогла добиться определяющих результатов в решении стоявших перед нею проблем политического, экономического и культурного развития. Не утхали гражданская война, басмаческое движение. Последовавшие затем Бухарская операция и Гиссарская экспедиция, проводившиеся почти целиком при обеспечении вооруженной поддержки Красной Армией, показали, что высшее политическое и военное руководство республики не пришло еще к осознанию невозможности решать проблемы, встающие при выборе путей последующего исторического развития народов Средней Азии, «военно-коммунистической атакой».

О принципиальной позиции, занимаемой Г. И. Бройдо, свидетельствуют зафиксированные в протоколах его особые мнения. Расхождения часто были принципиальными, и он несколько раз обращался с просьбой освободить его от обязанностей заведующего Отделом внешних сношений, но получал отказ.

В своих взглядах на развитие хивинских событий Г. И. Бройдо оставался последовательно убежденным. «На изложенной... точке зрения я лично,— пишет он,— оставался до конца и сейчас признаю ее единственно правильной. Тов. Элиава разделял эту точку зрения, делая иногда непоследовательные, по моему мнению, отступления под давлением противоположной точки зрения в меньшинстве или даже в единственном числе. Тов. Рудзутак ближе был к противоположной точке зрения, впоследствии установившейся в комиссии, выразителем коей был тов. Фрунзе. У тов. Голощекина совершенно не было устойчивых взглядов по существу вопроса. Вполне понятно, что при таких взаимоотношениях линия поведения Отдела внешних сношений вовне была ломанной и непоследовательной»¹¹.

Одной из центральных идей, проходящей через все рассуждения Г. И. Бройдо о государственной политике на Востоке, была мысль о необходимости особой подготовки кадров политработников в области вопросов, с которыми им менее всего приходилось практически сталкиваться в других областях страны. Он отмечал, что хирургические способы очистки партийных и советских организаций в Туркестане не в состоянии обеспечить реализацию директив ЦК. Рабочие Туркестана нуждаются в ясных ответах на вопросы, возникающие в местных специфических условиях, которые им часто не могут дать даже ответственные представители ЦК. Красноармейские части, комплектуемые за пределами Туркестана, хотя и с крупными, сильными партияцами, обречены на политическое разложение, ибо политработа, не связанная с местными политическими задачами, лишается своего существа. Задача сближения пролетариев и полупролетариев из лиц коренного населения с русскими тормозится отсутствием у политработников с европейским стажем общего политического языка и соответствующих подходов к местным трудящимся.

В этом смысле интерес представляет другой меморандум Г. И. Бройдо, направленный в ЦК РКП(б) во второй половине июня 1920 г. С ним познакомился В. И. Ленин и переадресовал его секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому.

«Все более и более расширяющиеся перспективы нашей работы в отсталых странах Востока,— писал в нем Г. И. Бройдо,— усугубляют это положение — отсутствие надлежаще подготовленных политработников, могущих оказать руководящее содействие в развивающихся движениях этих стран.

Все эти соображения приводят к необходимости поставить на оче-

¹¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 29.

редь вопросы: 1) о теоретической разработке связанных с нашей восточной политикой вопросов, 2) о создании популярной литературы в области этих вопросов, 3) о подготовке соответствующих политработников. Для осуществления этих задач я вношу следующее предложение: 1. Поручить кому-либо спешно подготовить к печати работу на тему: «Колониальная политика и коммунизм». 2. Поручить составление популярных брошюр на темы: а) «Что делала буржуазия в странах слабых народов и наши задачи», б) «Как должна строиться Советская власть в отсталых странах», в) «Обязанности русского рабочего в бывших колониях российской буржуазии», г) «Памятка красноармейца на Востоке». 3. Открыть при Университете имени тов. Свердлова Отдел Востока с Программой: а) вопросы, связанные с нашей политикой на Востоке, б) ознакомление с экономической, социальной, этнографической структурой азиатских стран и быта народов, населяющих их... 4. При отделе открыть краткосрочные курсы (четырёхнедельные), курс которых должны прослушать все командируемые на Восток товарищи, и организованные так, чтобы за время слушания курса не отрывать их от очередных работ, и в первую очередь направить на них те группы работников, которые будут посланы в Туркестан в связи с принятыми решениями Политбюро»¹².

В начале 20-х годов Г. И. Бройдо в полном соответствии с представлениями многих видных большевиков того времени видел в таком этнографически пестром образовании, как РСФСР, разрешение одной из труднейших проблем мировой коммунистической революции, в результате которой должен был создаться союз трудящихся всего мира, всех стран, стоящих на самых разнообразных ступенях исторического развития. Главными элементами переживаемого момента, подчеркивал тогда же Г. И. Бройдо, определяющими очередные задачи Наркомнаца, были: 1) необходимость разрешить проблему восстановления народного хозяйства силами самой Федерации, а следовательно, и отыскание путей правильного применения нэпа не только во взаимоотношениях города и деревни, но и центра с окраиной; 2) умелая, планомерная борьба с политическими и идеологическими последствиями, порожденными возрождением буржуазии на основе нэпа.

Нельзя, замечает Г. И. Бройдо, рассматривать Москву (Центр) лишь как «богатую тетушку», «оказывающую реальное содействие» окраинным автономиям. Невозможно поднять производительные силы любой части федерации на основе ее хозяйственной, а следовательно, и финансовой автономии. Он считал, что вопрос «о реальном оказании содействия» в переживаемых условиях разрешается лишь планомерным охватом всего хозяйства федерации, всех ее ресурсов в целом, т. е. методом, при котором во имя целого могут быть иногда принесены в жертву отдельные его части. Не только хозяйственная, но и национальная политика, по мнению Г. И. Бройдо, требует единого плана совместного использования всех ресурсов федерации и союзных республик, правильно налаженных операций обмена.

Все это представляет большой интерес для правильного понимания истории формирования и последующего развития национальной политики Советской власти в Среднеазиатском регионе.

¹² Там же, д. 14446, л. 2.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

отдельных представителей некоторых народов сохранились в названных кварталах и площадях разных городов, рвов и т. п. (Тазик яр в Казани, квартал Ходжа Булгар в Бухаре и др.).

Экономические отношения между народами отдельных стран могли влиять и на структуру взаимосвязанных между собой городов. В. О. Ключевский писал: «...В далекой Москве, которая одинаково подвергалась влиянию и Запада, и Востока, торговля одним и тем же товаром также всегда была сосредоточена в одних и тех же рядах, как в Бухаре и других городах Востока... Для каждого товара назначены были особые места и лавки»¹⁸.

Происходили заимствования и в области строительства, в частности в наименованиях строительного материала. Особый интерес в этом плане представляет слово «кирпич» (кӧрпич), упоминаемый в словаре Махмуда Кашгари (XI в.)¹⁹ и более поздних тюркоязычных сочинениях и словарях²⁰.

Языковые взаимодействия приводили к обогащению словарей народов, нередко территориально отдаленных друг от друга. Эти взаимосвязи экономик и культур отвечали кровным интересам народов Средней Азии и России.

¹⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 225.

¹⁹ Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони (Девону лугатит турк.). Т. I. Тошкент, 1960. С. 424.

²⁰ Русско-татарский словарь. Т. II. Казань, 1956. С. 75; и др.

В. А. GERMANOV

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛИСЬ РЕФОРМЫ ЭМИРА САИДА АЛИМХАНА

В связи с наметившимся, особенно после провозглашения независимости Узбекистана, интересом к событиям, повлекшим за собой крушение в 1920 г. Бухарского эмирата, наше внимание привлекает книга, опубликованная по горячим следам участником указанных событий, впоследствии академиком двух академий — Узбекистана и Таджикистана, известным историком и литературоведом Садриддином Айни, первым президентом Академии наук Таджикистана.

Это — «Материалы по истории младобухарского движения и бухарской революции». Книга была написана С. Айни по предложению назира просвещения Бухарской республики Кары-Йолдаша Пулатова. Рукопись, посвященная истории Бухары от времени правления эмира Насруллы (1826—1860) до сентября 1920 г., была завершена в том же 1920 г. Тем не менее, хотя автор незамедлительно получил за нее гонорар, книга была опубликована лишь в 1926 г. С тех пор она не переиздавалась, не переводилась с узбекского языка и не вошла в самые полные собрания сочинений классика таджикской и узбекской литературы. Лишь недавно опубликован перевод этого произведения на таджикский язык, осуществленный Рахимом Хашимом. Отдельные фрагменты, переведенные П. Шахристаном на русский язык, увидели свет в журнале «Памир» (Таджикистан)¹.

Рукопись С. Айни, насчитывающая 570 стр. в четвертую долю писчего листа (не считая оглавления) и хранившаяся первоначально в Бухарском государственном издательстве, еще до своего издания привлекала внимание видных исследователей. Так, акад. А. Н. Самойлович,

¹ Айни Садриддин. История революции в Бухаре, Памир. 1986. № 4. С. 122—133; № 5. С. 80—93.

посетивший в 1921 г. Бухарскую республику, осуществил для личного пользования сокращенный перевод произведения С. Айни с узбекского языка на русский.

В 1931 г., возглавляя бригаду по выполнению плана работ по «Истории джадидизма в Средней Азии», акад. А. Н. Самойлович вновь обращается к книге С. Айни и высоко оценивает ее. Сам А. Н. Самойлович считал свой перевод, исполненный в спешном порядке, сокращенным и черновым. В дальнейшем он предполагал довести его до конца. Однако планам академика, погибшего в годы политического террора, не суждено было осуществиться. В новой политической ситуации С. Айни, единственный уцелевший из младобухарцев (быть может, вследствие известной экзекуции, учиненной над ним эмиром, в результате которой у него, по его словам, расшаталась нервная система и он отошел от политики, предпочитая занятия литературным трудом), склонен был не вспоминать о собственной книге, ставшей еще более опасной своим содержанием.

Сегодня известно, что среди противников публикации этой работы С. Айни был и Файзулла Ходжаев. Глава правительства Бухарской республики, а затем правительства Узбекистана, к тому времени выпустивший книгу «К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии» (Ташкент, 1926)², в условиях создавшейся политической ситуации, связанный партийной дисциплиной, вынужден был преподнести иную версию событий, имевших место в Бухарском эмирате накануне его гибели. Он обязан был умолчать о многих тайнах истории крушения эмирата и образования Бухарской республики. Но что не мог позволить себе высший государственный деятель, попытался показать отошедший от политики и занимавшийся наукой и литературным трудом С. Айни. Одна из таких загадок связана с февральскими реформами 1917 г. в Бухаре — несостоявшейся мирной альтернативой происшедшему там вскоре военно-революционному перевороту, именуемому в традиционной историографии Бухарской революцией. Тем более любопытны данные, приводимые С. Айни в его столь долго подвергавшейся опале книге, имеющие непосредственное отношение к указанным событиям. Но едва ли и сам ученый, не имевший, в отличие от политика, идеологической сверхзадачи, мог подозревать, что спустя семьдесят лет факты, не ускользнувшие от его острого писательского взора, смогут сложиться в совершенно новую комбинацию-версию.

Итак, С. Айни свидетельствует, что при первых известиях о Российской революции младобухарцы, организовавшись в полуполициальное общество, отправили в Петроград поздравительную телеграмму, в которой поставили вопрос о необходимости реформ в Бухаре и просили Временное правительство оказать в этом деле помощь. Встретившись с представителями правительства Бухарского эмирата, полномочный представитель правительства России Б. В. Миллер посоветовал им действовать примирительно, согласно моменту.

В первое время из правящей верхушки двое: эмир Саид Алимхан и кушбег Насрулло — в какой-то степени склонялись к проведению реформ, опасаясь социального взрыва, вызванного внешними событиями. Однако реформам противостояли два влиятельных в Бухаре политических деятеля — Низомиддинходжа Урганджи и казикалон Бурхониддин. Хорошо зная их политические взгляды, эмир и кушбег даже не поставили их в известность о реформах. Однако, обсуждая создавшееся положение, Низомиддинходжа Урганджи и казикалон Бурхонид-

² Ходжаев Файзулла. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Избранные труды. Т. 1. Ташкент, 1970. С. 69—317.

дши видели основную его причину в бездейтельности эмира и кушбеги. Урганджи говорил тогда: «Если эмир мне прикажет, то я за три дня устраню саму проблему реформ. Ведь ясно, что это дело рук джадидов. И выход из этого положения также прост. У меня есть несколько воров-головорезов, которых я специально придержививал для подобных случаев. Если бы мне дали волю, я бы приказал этим ворам скрыто поспинать головы всем этим джадидам»³.

Но казикалон Бурхониддин не был сторонником таких «крутых и скрытых мер». По его мнению, которым он поделился в личном письме, отправленном Саид Алимхану, если бы эмир приказал схватить некоторое количество евреев, иранцев и джадидов и часть из них приказал убить, часть сбросить с минарета Накорахона, часть приговорить к заточению в зиндан, часть к 75 палочным ударам, а часть выслать, то страна обрела бы покой.

Эти двое всю ответственность взвалили на плечи кушбеги, говоря, что «кушбегги сам джадид, обманывает эмира и продаст страну джадидам»⁴. Бурхониддин отправил подробное письмо к кушбеги. Вскоре казикалон разочаровался и в эмире, и в кушбеги и решил опираться только на себя и на Мирзо Урганджи. Они послали во все города, селения и тумены специальных представителей, чтобы поднять народ против реформы. При этом они открыто заявляли: «Мы пожертвуем собой на этом пути».

Кушбегги Насрулло уговорил эмира отослать подальше, в Карши, «по делам службы» Низомиддина Урганджи. После этого реформаторы почувствовали себя увереннее. Казикалон продолжал скрытно действовать. Тем не менее был подготовлен проект реформ, переданный на рассмотрение эмиру и кушбеги. Согласно проекту, в Бухаре предполагалось создать из прогрессивно настроенных мулл, интеллигенции и ряда представителей передовых слоев населения парламент, который контролировал бы доходы и расходы государства, деятельность высших должностных лиц. Налоги, в том числе на землю, должны были регламентироваться указаниями парламента.

Согласно проекту реформ, был подготовлен высочайший фирман эмира. Однако оглашение его при наличии все еще крепкой оппозиции, предводительствуемой казикалоном, было невозможно. И эмир Саид Алимхан решил сформировать новый правительственный кабинет, отстранив прежних своих министров от власти.

15 числа месяца джамодиус-сонни 1335 г. хиджры (25 марта 1917 г.) на должность казикалона был назначен Мирзашариф Садр, спустя месяц на должность ранса утвердили кази Чарджоу Абдусамадходжу, известного своими передовыми взглядами, а на должность военного муфтия еще через день — бывшего кази Вабкента Орифходжу. Был организован новый кабинет. Бывший военный муфтий был отправлен в Гиждуван, а бывший ранс Абдуллоходжа — в Чарджоу.

Кушбегги Насрулло провел с новым казикалоном Мирзашарифом Садром обстоятельную беседу и, объясняя ему основы реформ, указал на важность их проведения и подготовки к этому улемов и народа.

Телеграммой с грифом «секретно» российский резидент Б. В. Миллер 20 марта 1917 г. извещал Петроград: «Сегодня его высочество пригласил меня в Арк, подробно обсуждал предстоящие реформы и текст манифеста к народу, имея в виду в этом манифесте в общих чертах наметить предложенные коренные реформы. Его высочество находит необходимым для начала создать из видных представителей

³ Айни Садриддин. История революции в Бухаре//Памир. 1986. № 4. С. 124.

⁴ Там же.

купечества и, главным образом, сторонников либеральных течений шесть комиссий»⁵.

Читая книгу С. Айни, вороша богатый фактический материал и отбрасывая бьющую в глаза тенденциозную апологетику позиции, занятой тогда частью младобухарцев и их некоторыми лидерами, можно заметить, что эмир Саид Алимхан хотел проводить реформы, учитывая реально сложившуюся объективную обстановку, исключив наиболее утопические требования суперрадикалов.

Через три-четыре дня после формирования нового правительственного кабинета против реформ, какими их видели эмир и его сподвижники, выступили, как это ни парадоксально, объединенные силы консерваторов, которые не желали их совсем, и левые радикалы из части джадидов, находившие их недостаточными. С этого момента реформы были обречены, а гибель эмирата предопределена.

Предостерегая и правых, и левых, эмир и оказывавшие на него влияние сторонники постепенных реформ сверху в пятницу, 28 джамодинус-сонни 1335 г. хижры (7 апреля 1917 г.) в присутствии кушбеги, казикалона, раиса, всех муфтиев, приглашенных, среди которых были сотрудники русского резидентства, после прочтения молитвы огласили фирман, написанный на фарси. Приведем русский перевод этого текста:

«Принимая во внимание интересы и благополучие всех своих подданных, с одобрения и желания всей науки мы приступаем к проведению широких реформ государственных учреждений, согласно установленному порядку, дабы отменить самодержавие и прежние порядки.

Мы уведомляем наших подданных, что все реформы и изменения, проводимые нами в государственных учреждениях, согласуются со священным шариатом, и мы надеемся, что все наши подданные окажут нам в этом начинании помощь и поддержку, что приведет к расцвету науки и культуры, прогрессу и развитию, блеску и сиянию Бухары.

Прежде всего наше начинание проводится с целью реформы судов, сбора и учета вкладов, налогов, зякета (налог с движимого имущества) и другого царского имущества, развития промышленности и торговли страны, особенно с Российской державой, установления определенной зарплаты для всех служащих и чиновников государственных учреждений, назначение специального инспектора, дабы служащие соблюдали справедливость, ликвидации старой системы подношений и подарков, когда каждый сам о себе заботился. Мы должны осуществлять все свои начинания, реформы, прогресс и развитие науки и искусств в соответствии с законом шариата: для благополучия и спокойствия своих подданных, живущих в столице, мы желаем, чтобы все население города выбрало из своей среды наиболее почтенных и мудрых людей, которые вошли бы в состав парламента и внесли бы свои усилия и усердие в дело претворения в жизнь реформы, во имя прогресса, расцвета и благополучия столицы.

Мы посчитали необходимым учредить единое государственное казначейство, которое заведовало бы всеми расчетами доходов и расходов страны.

Считая необходимым известить своих подданных, все начинания и мероприятия вовремя напечатать и, во имя всеобщего благополучия и довольства, разошлем по государству, ибо отныне прессе будет вменено в обязанность печатать и опубликовывать произведения, сочинения и новости для всеобщих интересов, дабы жители Бухары знакомились с необходимыми новостями. Мы считаем необходимым забо-

⁵ Архив внешней политики России, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 308, л. 15.

ту и попечительство о своих подданных, и в будущем все мероприятия государственных учреждений будут в обязательном порядке вынесены на всеобщее обсуждение в интересах наших подданных.

Пятница 28 месяца джамодиус-сонии 1335 года хиджры. Подлинный экземпляр этого документа утвержден во дворце салтаната Бухары большой печатью эмира Бухары Сайид амир Олим бинни Сайид амир Абдулахад⁶.

Текст манифеста эмира приведен по С. Айни⁶. Иную редакцию даст Ф. Ходжаев. В его варианте, например, не говорится о созыве парламента, а упоминается лишь о некоем «Совете достойных уважаемых народом людей». Здесь и иная концовка манифеста, где извещается об «освобождении с согласия и одобрения народа заключенных в тюрьмах»⁷.

«Молодежь, зачитав экземпляр фирмана,— свидетельствует С. Айни,— на площади Регистан подняла крик до самого неба: «Да здравствует эмир Алим!»... Противники реформ говорили: «Конец мусульманству. Теперь настало время джаидов. Если дело пойдет так и дальше, посмотрим, что будет потом, чего же захочет господь. Подобными речами готовилась почва для реакции»⁸.

В тот же день эмир телеграфировал правительству России о том, что «сегодня мною особым манифестом в Старой Бухаре возвещено народу о твердом решении моем произвести коренные реформы всех частей правления ханством, в согласии с вековыми верованиями и обычаями Бухары»⁹.

Манифест эмира часть младобухарцев решила отметить демонстрацией, чтобы закрепить успех и сделать процесс необратимым. Другая часть их считала фирман эмира сомнительным и вводящим народ Бухары в заблуждение; они втайне рассчитывали на его дискредитацию в глазах большинства народа. Как здесь не вспомнить слова В. И. Ленина, сказанные им про государственную деятельность российского реформатора П. А. Столыпина, что если его реформы воплотятся на практике, то дело большевиков будет провалено.

Для эмира и кушбеги демонстрация представляла реальную угрозу — перейди они на сторону ультралибералов (что, конечно, исключалось в принципе), они бы потеряли власть. То же самое ожидало их и в случае победы ультралибералов, которые сами стремились к власти.

И эмир после того, когда в субботу 29 числа месяца джамодиус-сонии 1335 г. хиджры (18 апреля 1917 г.) демонстрация все-таки началась¹⁰ и наиболее ретивые подняли (изготовленное, как говорили наиболее осведомленные, в доме самого Ф. Ходжаева) красное знамя с надписью: «Да здравствует эмир Алимхан! Да здравствуют его реформы!», сделал свой выбор. Когда в результате экстремистских выступлений ультралибералов обозначился перелом в общественном настроении, он «отыграл» назад.

⁶ Айни Садрриддин. История революции в Бухаре//Памир. 1986. № 4. С. 131—132.

⁷ Ходжаев Файзулла. Указ. соч. С. 101—102.

⁸ Айни Садрриддин. История революции в Бухаре//Памир. 1986. № 4. С. 133.

⁹ Бухара в 1917 году//Красный архив. Т. I (20). М., 1927. С. 90.

¹⁰ Айни Садрриддин. История революции в Бухаре//Памир. 1986. № 5. С. 81.